

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ДО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (2)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

этой драмы, отталкиваясь опять-таки из отступления о луне и времени: вечное движение времени залечит раны, заставит забыть. (При таком истолковании концовки стихотворения интонация последних строк более печальная, чем трагическая).

Рассмотрение стихотворения Гунавана Мохамата "Асмарадана" позволяет судить о несомненном своеобразии индивидуальных поэтических приемов этого поэта, часть которых созвучна яванской фольклорной традиции (лаконизм при высокой степени образности, символика образов, прием недосказанности).

Поскольку "асмарадана" — это стихотворная форма, предназначенная для исполнения как песня, очень важны музыкальные свойства языка. Стихотворение в прозе Гунавана Мохамата отличается музыкальностью, достигаемая лаконизмом в сочетании с песенностью интонационного строя (что характерно и для лучших образцов традиционно-фольклорных форм, отмеченных нами выше).

Гунаван Мохамат является поэтом, который, не следуя внешним формальным характеристикам традиционно-фольклорной формы, в крайне индивидуальной манере поэтического выражения способен передать дух такой формы, ее высокую поэтичность.

1 Это разновидность одной из наиболее известных форм традиционной яванской поэзии "тембанг мачапат" или "тембанг чилик" ("маленькая песня"), а еще более точно — "тембанг паларан" ("любовная песня").

2 Кемунинг — дерево с золотистой древесиной и душистыми цветами.

3 Млечный Путь.

А.Д.Бурман

ФОРМУЛЫ ОПИСАНИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В БИРМАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

(на материале пьес У Чин У и У Поун Ня)

В статье рассматриваются женские образы двух одноименных пьес "Махо" (в название вынесено имя главного героя), созданных в середине XIX века знаменитыми бирманскими драматургами У Чин У и У Поун Ня. В круг женских персонажей входят принцесса Пан-

чаласанди (пьеса У Чин У) и девушки из народа Удумбара и Амара (пьеса У Поун Ня). Этим девушкам предназначено высокое положение в обществе (по ходу действия одна из них становится королевой, другая — супругой наследного принца), поэтому в пьесе они с самого начала трактуются как титулованные особы и описываются в тех же стандартных выражениях, что и принцесса Панчаласанди.

Здесь мы ограничимся рассмотрением формул описания женской красоты, по которым можно судить о некоторых этических и эстетических категориях, характерных для средневековой бирманской драмы. Будут проанализированы повторяющиеся, устойчивые выражения, сгруппированные по общим признакам.

В характеристиках женских образов главное внимание уделяется описанию внешности героинь. Формулы описания женской красоты можно разделить на пять групп, соответствующих восприятию какого-либо объекта пятью органами чувств — зрением, обонянием, осязанием, слухом и вкусом.

Вид, цвет: "желанная для глаза" [I,30,15], [I,44,8]; "та, которую можно полюбить с первого взгляда" [I,42,19]; "ненаглядная в своем очаровании" [I,44,10]; "прекрасная собой" [I,42,18], [I,32,4], [II,8,6], [II,11,7], [II,17,3], [II,37,16].

К этой группе мы относим и цветообозначение, которое играет значительную роль в формулах описания женской красоты. В основную гамму цветов входят белый, золотой, голубой, синезеленый. Красный и черный цвета полностью исключаются. Чаще всего встречаются голубой и синезеленый оттенки: "голубая" [I,50,7], [II,6,2], [II,4,27]; "грудь, как голубые лотосы" [II,7,5]; "зеленоголубая" [I,32,12], [I,50,2]. Скорее всего, здесь имеется в виду цвет кожи, т.к. в Бирме зеленовато-голубой оттенок кожи считался признаком царственного происхождения. По традиционным представлениям бирманцев синезеленый цвет соотносится с югом [I,8]. Возможно, употребление этого цветового сочетания указывает на женщину как на главную королеву (или достойную этого титула), т.к. южный дворец является резиденцией главной королевы, и она обычно именуется как госпожа южного дворца.

Женщина определяется и как "белоснежная" [I,50,7]. Скорее всего, это указывает на светлый оттенок кожи, либо на королевский титул, т.к. согласно упомянутой классификации, белый цвет ассоциируется с луной и королевой [I,8]. Возможно, также, толкование белого цвета как знака чистоты.

Цвет кожи может определяться и как золотой: "кожа золотого

цвета" [П,11,8], [П,6,2], [П,17,9]; "золотое тело" [П,5,21], [П,5,20], [П,7,5]. Это цветообозначение характерно для буддийской символики. Очевидно, с золотым цветом кожи связано и излучение света, сияние – традиционное клише для описания красивой внешности в бирманской литературе: "ослепляющая своим блеском" [I,20,14]; "та, чье тело излучает сияние, разгоняющее ночной мрак" [I,32,12], [П,5,27]; "сверкающая золотым огнем" [П,6,5]; "сияющая, сверкающая, излучающая свет" [П,6,6].

Аромат: "благоуханная, источающая густой аромат цветов Гамоун"^I [П,5,15]; "благоухающая свежим и сладким ароматом жасмина" [П,5,21]; "распространяющая нежнейший аромат" [П,6,8]; "лилия, источающая благоухание" [П,6,25].

Форма, ощущение: "тонкая и стройная" /I,32,11/; "сложением подобная богине" [I,30,14]; "изящно сложенная" [I,42,18], [I,50,7]; "с прелестными линиями тонкого и нежного золотого тела" [П,5,21]; "изящными изгибами золотого тела напоминающая богиню" [П,5,20]; "грациозно изгибающаяся, с нежной и гладкой кожей" [П,4,27].

Звук: "с голосом, нежным как у львицы" [П,6,4]; "с голосом, прекрасным как перл" [П,26,24].

Вкус: "сладкая, как тыква с сахаром" [П,12,30]; "изысканный плод изумрудной смоковницы" [I,33,10]; "полураспустившийся бутон, полный нектара" [П,26,28].

Проанализировав эти формулы, мы приходим к выводу, что описание женской внешности соответствует буддийской классификации пяти чувственных удовольствий (пал. рапса камагуна, бирм. ка^Iма^Iгоун^Iнга^I), которые вызываются приятным внешним обликом, ароматом, звуком, вкусом, ощущением какого-либо объекта, услаждая пять органов чувств [5,394].

Для бирманской литературной традиции характерно сравнение женщины с драгоценностями, цветами и растениями, изысканными предметами. Женщина, которая сама олицетворяет одну из семи драгоценностей всемирного монарха-чакравартина², соотносится с драгоценными украшениями: "драгоценность вождя" [П,24,19]; "госпожа драгоценностей" [П,19,6].

Красота женщины сравнивается и с пятью драгоценностями "навары"³ – символом власти чакравартина: "прекраснейшая из девяти драгоценностей "навары" [П,18,4] и с отдельными камнями "подобная бесценному изумруду" [I,32,12]; "изумруд в золотой

оправе" /П,19,6/; "убранная драгоценными изумрудами" /П,5,29/
"ожерелье из жемчугов и изумрудов" /I,45,19/; "жемчужная подвеска" /I,47,3/; "драгоценная жемчужина" /П,20,6/.⁴

Перечисляются регалии королевы, в которые входят диадема серьги, ожерелье, золотое платье⁵: "достойная носить золотую диадему с изумрудами" /I,34,17/; "в сверкающих и переливающихся ожерельях" /П,6,4/; "золотое ожерелье своего старшего брата" /I,47,2/; "имеющая двенадцать сотен золотых платьев" /П,74/.

Традиционно уподобление прекрасной женщины цветам – чаще всего, избранному цветку бирманцев – жасмину: "свежий жасмин, обрызганный каплями росы" /П,6,12/; "прелестный жасмин дворца Северной Панчали" /П,6,20/.

Используются сравнения с лотосом и лилией,⁶ ветвями и деревьями: "чистейший лотос" /П,6,28/; "сверкающие груди на золотом теле подобны голубым лотосам" /П,7,5/; "королевская лилия" /П,6,13/; "белоснежная водяная лилия, издающая нежный аромат" /П,6,25/; "та, чье тело подобно пышной цветочной грозди" /П,6,27/; "нежное молодое деревце" /I,47,18/. В этой связи особенно интересны упоминания о смоковнице – дереве Тапхан. Выбор дерева Тапхан (пал. Удумбара) отнюдь не случаен. Удумбара считалась знаком королевской власти еще в древней Индии. Из древесины Удумбары изготавливался королевский трон, чапа из дерева Удумбары подносилась государю во время абхисеки – обряда коронации. Вместе с кшатрийским ритуалом коронации бирманцы заимствовали и этот символ королевской власти. Простая девушка из народа (пьеса У Поун Ня) возводится в сан королевы и получает имя "Удумбарадеви" – "богиня Удумбары", т.к. король впервые увидел ее сидящей на дереве Тапхан (что, в свою очередь, является указанием на то, что она заслуживает королевского титула). Отсюда и метафора: "изысканный плод изумрудного дерева Тапхан" /I,33,10/. Полисемантичесность этого символа видна в выражениях "главная в южном дворце, принадлежащем дереву Тапхан" /П,17,12/ и "вокруг желанного господина обвивающаяся подобно нежной лиане, прильнувшей к дереву Тапхан" /П,6,11/, где король уподобляется дереву Тапхан, являющемуся в данном контексте аналогом мирового дерева.

Авторы пьес сравнивают красоту женщины с изящными и изысканными предметами – с зеркалом: "зеркало Замбудипы" /П,18,7/; "зеркало дворца" /П,6,8/; с раковиной: "главная среди золотых

раковина жемчужного дворца" [II, 5, 22]; "раковина монарха" [II, 17, 11];
"золотая раковина под белоснежным зонтом" [II, 19, 7-8];

с музыкальным инструментом: "та, чья фигура подобна корпусу лютни" [II, 6, 27];

с лампой: "та, чья совершенная красота подобна ясному свету лампы" [I, 51, 19].

В настоящее время мы еще не располагаем достаточными материалами, чтобы полностью раскрыть семантику этих сопоставлений. Однако известно, что в махаянской ветви буддизма раковина, лютня, лампа, цветок, зеркало и танцевальная поза являются дарами богинь Будде [5, 366].

Если к символическим обозначениям принцессы как зеркала, раковины, лютни и лампы добавить разобранные выше сравнения с цветами, а также указания на танцующую позу ("изящно изгибающаяся" [II, 5, 20]; "грациозно изгибающаяся" [II, 4, 27]), то можно предположить, что в текстах пьес женщина рассматривается как подношение Будде.

Однако, если учесть, что в Юго-Восточной Азии почести, воздаваемые Будде, часто переносились на реальную личность правителя, то сравнение женщины с предметами жертвоприношения Будде скорее всего указывает на нее, как на подношение королю. В исторической действительности Бирмы вручение государю девушки - дочери или сестры местного вождя - означало установление вассалитета, что трактовалось как упорядочение микрокосма (т.е. отсутствие войн, смут, бунтов). Например, шанские князья, посылая своих дочерей в королевский гарем, тем самым выражали преданность бирманскому королю и принимали его покровительство [3, 21].

Указания на брачный союз девушки с правителем передаются либо прямым ("принцесса, предназначенная, чтобы соединиться с повелителем посреди алмазного ложа" [II, 7, 2]), либо опосредованным способом. Таково, например, обозначение женщины как корабля: "подобная золотой ладье, грациозно движущейся по глади вод" [I, 31, 7]; "подобная золотой ладье с факелами" [I, 44, 8]; "золотая ладья" [II, 35, 15]. Оно связано с общими для древних аграрных культур представлениями о браке как переходе через воду, где любые предметы, соединяющие два берега реки (мост, корабль), являются знаком любовного соединения мужчины и женщины [2, 243]. В выражении: "вокруг желанного господина обвивающаяся, подобно нежной лиане, прильнувшей к дереву Тапхан"

[П,6,11] символически выступает единение двух начал: мужского - стабильного и устойчивого, и женского - гибкого и изменчивого.

Разобранные нами характеристики женщины, сравнения ее с цветами, драгоценностями, предметами жертвоприношений предствляют собой своеобразную иерархию этических и эстетических ценностей, опосредованно отражающую нормы общественного вкуса в средневековой Бирме.

Авторы пьес создавали образ идеальной героини в соответствии с требованиями литературного канона, по-своему интерпретирующего эти нормы. Особенно подчеркивается в женщине гармоническое сочетание духовной и физической красоты, единство внутреннего и внешнего облика. Об этом свидетельствуют такие выражения как "совершенная телом и духом" [I,32,13]; "одаренная телесной красотой и умом" [П,5,19], [П,5,16]. Идеальная женщина выступает здесь как средоточие высоких нравственных качеств, ума и физической привлекательности.

¹ Цветы Гамоун - ароматная Коэpherea.

² Согласно бирманской традиции, в семь драгоценностей чакравартина входят: супруга, министр, военачальник, конь, слон, драгоценности, волшебное оружие.

³ "Навара" - одна из королевских регалий, состоящая из набора девяти драгоценных камней. В них входят: алмаз, жемчуг, гранат, сапфир, кошачий глаз, топаз, изумруд, рубин, коралл.

⁴ Возможно, предпочтение, оказываемое жемчугу и изумруд перед другими камнями, связано с их цветами - белым и зелеными, которые преобладают в цветообозначении женской внешности.

⁵ Кюмерская традиция относит к личным регалиям королевы диадему, серьги, золотое платье и золотой паланкин [4,48].

⁶ Водяную ледию бирманцы рассматривали как символ, олицетворяющий женское начало. Один из тронов мандалайского двора, на котором принимала королева, назывался трон водяной леди /3,20/.

I. У Поун Ня. Махопьяза (пьеса "Махо"), Мандалай, 1963.

II. У Чин У. Махопьяза (пьеса "Махо"), Рангун, 1920.

Использованная литература

1. Наккха бэйда визза ская мау (Руководство по астрологии), Рангун, 1957.

2. Никитина М.И. Представление об "облике" "старшего" и "младшего" в хянга "Песня Чхоена" (IX в.) и обрядах "хождения по мостам", - Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы и доклады VIII научной конференции. Л., 1978.

3. Foucar E.C.U. They reigned in Mandalay, London, 1946.

4. Sahai Sachchidanand. Les institutions politiques et L'Organisation administrative du Cambodge ancien (VI-VIII siècles), Paris, 1970.

5. Waddel L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism, Cambridge, 1934.

З.Н.Ворожейкина

КАСЫДЫ О ГОЛОДЕ

Персидская касыда, которая занимала высшую ступень в иерархии высоких литературных жанров, обнаруживает к концу XII в. тенденции к изменению классического стереотипа, к расширению тематических рамок и диапазона художественно-выразительных средств. В предмонгольском Исфахане, в творчестве поэтов, стоявших у истоков "иранского" стиля, мы наблюдаем появление придворных касыд с социальным содержанием. Две из них - касыды о голоде - заслуживают специального внимания.

Первая касыда написана в семидесятых-восемидесятых годах XII в. известным поэтом Джамад ад-Динном Исфахани (ум. в 588/II92 г.). Это - касыда-послание, адресованная некому Шихаб ад-Дину, находящемуся, как можно понять, в другом городе. Отведя четырнадцать вступительных бейтов восхвалению и последние десять традиционному благопожеланию, поэт подробно рассказывает в касыде (на протяжении сорока двух бейтов) о голоде в Исфахане.

Начиная повествование словами:

Ты знаешь ли, как без тебя здесь, в Исфахане?

Послушай мой рассказ в стихах, щемящий душу...